

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.60.29.022

А.А. Внуков, С.В. Ярцев, Е.В. Шушунова, В.Г. Зубарев

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФИГУРНЫХ ПОРТУПЕЙНЫХ ПРЯЖЕК
ИЗ ВОЖДЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ С. ПОРОГИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ***

Главной целью статьи является социокультурный анализ фигурных портупейных пряжек из вождеского сарматского захоронения с. Пороги, датируемого последней четвертью I в. н.э. Рассматриваемый артефакт не имеет аналогов в Северном Причерноморье и является уникальным предметом ювелирного искусства с явно восточными признаками. Выбитая на нем сцена мифологического сюжета, выполненная в зверином стиле, в которой заглавным героем выступает всадник монголоидной внешности на экзотической «лошади» (пантере или барсе), по мнению авторов, происходит из Ханьского Китая. Во время правления императора У-ди подобные сюжеты на золотых украшениях использовались для демонстрации высшей элиты своей власти и привилегий. Коллектив исследователей полагает, что подобные предметы не могли быть импортным товаром в Северное Причерноморье, т.к. в империи Хань они имели большое сакральное значение. К II в. до н.э. золото стало все чаще использоваться в личных украшениях знати и служило символом власти. К варварам, кочующим на северной границе империи, они попадали лишь в качестве преподнесенных богатых подарков, откупа или заключения союзных договоров. В этой связи примечательно связать появление анализируемых пряжек с хунну Клавдия Птолемея, ойкумену которых древний географ локализовал в Европейской Сарматии. По мнению авторов, пряжки могли попасть к хунну во время многочисленных военных кампаний этих варваров против Древнего Китая. Авторы соглашаются с мнением отечественных исследователей, что захоронение у с. Пороги, судя по оставленному в нем погребальному инвентарю, является сарматским. Хуннские предметы вооружения в нем позволяют говорить о связях сарматов Инисмея с азиатскими пришельцами. Контекст погребения из Порогов позволяет сделать вывод, что какая-то часть хунну вошла в состав кочевников сарматского царя. Такому положению дел, по мнению научного коллектива, свидетельствуют найденные в захоронении костяные обкладки сложносоставного лука хуннского типа и изображения сложносоставных тамг сарматского лидера, которые демонстрировали его власть не только над собственным родовым кланом, но и над подчиненными племенами, в том числе и пришедших из Азии хунну.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Китай, Хань, сарматы, хунну, варварский мир, власть, с. Пороги, золотые украшения.

Сведения об авторах: Внуков Артем Андреевич¹, ассистент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Ярцев Сергей Владимирович², доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Шушунова Елена Валерьевна³, кандидат исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Зубарев Виктор Геннадьевич⁴, доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Контактная информация: ¹4300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, e-mail: ¹vnukovartemy@yandex.ru; ²s-yartsev@yandex.ru; ³schuschunova.elena@yandex.ru; ⁴parosta@mail.ru.

* Работа выполнена за счет гранта РФФИ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

Статья поступила в номер 15 июня 2024 г.
Принята к печати 12 июля 2024 г.

A.A. Vnukov, S.V. Yartsev, E.V. Shushunova, V.G. Zubarev

**SOCIAL AND CULTURAL ANALYSIS OF A FIGURED BELT BUCKLES
FROM THE CHIEF BURIAL IN THE POROGI VILLAGE
AND ITS HISTORICAL CONTEXT**

The main purpose of the article is a social and cultural analysis of a figured belt buckles from the Sarmatian chief burial in the village of Porogi, dating the last quarter of the 1st century CE. The artefact under consideration has no analogues in the Northern Black Sea region. It is a unique piece of jewellery art with clearly oriental features. According to the authors, the mythological animal-style scene embossed on it, where the main character is a rider of Mongoloid appearance on an exotic “horse” (panther or leopard), comes from Han dynasty. During the reign of Emperor Wu of Han, similar plots on gold jewellery were necessary for the upper elite to demonstrate their authority and privileges. Researchers believe that such items could not be imported to the Northern Black Sea coast, as they had a great sacral significance in the Han dynasty. By the 2nd century BCE, gold was increasingly used in personal jewellery and served as a status symbol. The barbarians roaming on the northern border of the empire received it only as rich gifts, payoffs or when concluding treaties of alliance. Therefore, it is noteworthy to connect the appearance of the analysed figured belt buckles with the Xiongnu of Claudius Ptolemy, whose ecumene the ancient geographer localised in European Sarmatia. According to the authors, these buckles could have come to the Xiongnu during the numerous military campaigns with ancient China. The authors agree with the domestic researchers’ opinion that the burial near the village of Porogi is Sarmatian according to the grave goods left in it. Xiongnu armament supplies in it indicate only the connection of the Sarmatians under Inesmey with Asian aliens. The context of the burial from the Porogi allows the authors to conclude that some part of the Xiongnu joined the nomads of the Sarmatian king. According to the research team, this is evidenced by the bone covers of a compound bow of the Xiongnu type found in the burial and images of compound tamgas of the Sarmatian leader, which served to demonstrate his authority not only over his own clan, but also over the subordinate tribes, including the Xiongnu who came from Asia.

Key words: Northern Black Sea region, China, Han dynasty, Sarmatians, Xiongnu, barbaric world, authority, the village of Porogi, gold jewellery.

About the authors: Vnukov Artem Andreevich¹, Assistant Professor of the History and Archaeology department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Yartsev Sergey Vladimirovich², Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Shushunova Elena Valer’evna³, PhD (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Zubarev Viktor Gennadyevich⁴, Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Contact information: ¹⁻⁴300026, Russia, Tula, 125 Lenin Ave., Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, e-mail: ¹vnukovartemy@yandex.ru; ²s-yartsev@yandex.ru; ³schuschunova.elena@yandex.ru; ⁴parosta@mail.ru.

Археологических свидетельств проникновения хунну в Северное Причерноморье не так много. К примеру, М.Б. Щукин среди памятников, которые свидетельствуют о связях региона с кочевниками из Азии, выделял захоронение у с. Пороги на Среднем Днестре, и сходные с этим комплексом находки из «Соколовой Могилы» на Южном Буге и Мокры из Среднего Поднестровья (Щукин 2005: 223—224). Археологический комплекс в контексте сармато-хуннских связей рассматривал С.В. Ярцев. Он, как и М.Б. Щукин, не отрицал, что какая-то группа хунну в конце I — начале II в. н.э. могла проникать в Северное Причерноморье и растворяться в местной среде, теряя свою этническую самобытность (Ярцев 2014: 119). Таким образом, в их исследованиях комплекс из с. Пороги стал свидетельством возможной достоверности сообщения Клавдия Птолемея о раннем появлении хунну в Восточной Европе.

Два знатных сарматских впускных захоронения у с. Пороги были исследованы экспедицией Винницкого краеведческого музея под руководством Б.И. Лобая в 1984 г. (Симоненко, Лобай 1991: 4). Первое погребальное сооружение представляло собой катакомбу, с прямоугольной входной ямой и камерой, которая имитировала кочевническую

кибитку. Деревянный саркофаг, который был размещен ближе к западной стенке сооружения, был прямоугольной формы, с вертикальными стенками и плоской крышкой. Длина саркофага составляла 1,9 м, ширина — 0,75, а его высота — 0,5 м. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, черепом на север. Погребальный инвентарь состоял из гривны, серебряного кубка, золотого браслета, выполненных в зверином стиле, портупейного набора, а также предметов вооружения — лук с костяными накладками, колчан со стрелами, короткий меч с кольцевым навершием, железный кинжал (Симоненко, Лобай 1991: 10—28).

Во втором погребении была захоронена женщина. Погребальный инвентарь состоял из височных подвесок, золотого ожерелья, двух серебряных перстней, золотых бляшек, серебряного круглого зеркала, бронзовой фибулы и различных гончарных и лепных изделий (Симоненко, Лобай 1991: 28—34).

А.В. Симоненко и Б.И. Лобай характеризуют эти погребения как сарматские, с уникальными типом погребального сооружения — катакомбы, наличие саркофага, который был непосредственно связан с высоким статусом погребенного (Симоненко, Лобай 1991: 38). О высоком положении покойного свидетельствует и наличие сложносоставных тамг на ряде предметов первого погребения, а также уникальные ювелирные изделия (рис. 1), часть которых не имеет аналогов в Северном Причерноморье. Речь идет о портупейных пряжках, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, центральным сюжетом которой является сцена терзания зверя.

В центре литых золотых пряжек, идентичных по композиции, изображен монголоидной внешности мужчина, сидящий на экзотическом коне, в данном случае пантере или барсе, в обеих руках всадник держит задние лапы S-образных мифических животных. В интерпретации А.В. Симоненко и Б.И. Лобая — это орлиноголовые грифоны, которые в свою очередь терзают животное. Внутренние стороны фигурок на обеих пряжках полые, на поверхности видны следы литья. Фигурки отлиты в технике «потерянного воска» с последующей напайкой гнезд, доработкой резцом и инкрустацией (Симоненко, Лобай 1991: 19—22).

Аналоги подобных изделий, выполненных в той же технике, найдены в ходе археологических исследований на севере Афганистана в некрополе Тиллятепе. В данном контексте нас интересуют предметы, обнаруженные советско-афганской экспедицией в 1978—1979 гг., в погребении I и погребении II. В первом случае — это семь однотипных пластин с изображениями фигур мужчин, держащих на плечах дельфинов (рис. 2). Данные предметы, как и бляшки из с. Пороги не повторяют друг друга, все они имеют незначительные отличия, которые как-бы покадрово воспроизводят движение головы мужчины. По мнению В.И. Сарияниди это свидетельствует о том, что пластины были изготовлены по индивидуальным матрицам. Автор также склонен полагать, что мотив человека с дельфином на спине и кормовым веслом в руке редок в греко-римском искусстве, однако некоторые элементы композиции, в частности украшение тела дельфина рыбьей чешуей указывает на местную бактрийскую переработку, привнесенную из греко-римского мотива (Сарияниди 1989: 52).

Вторая интересующая нас композиция (рис. 3) является центральной частью литых фигурных подвесок «государь—драконоборец» (Сарияниди 1989: 59—60). Сцена, вылитая на подвесках в сюжетном плане имеет параллели с изображением из с. Пороги. Главной отличительной чертой фигур из Тиллятепе являются этническая принадлежность «государя», идеальное фронтальное положение выполненной модели и отсутствие мифического скакуна. Однако крылатые фантастические существа также изображены в S-образной форме и повторяют анатомию животных из с. Пороги, за исключением лицевой части. В данном случае «драконы» или «грифоны» не имеют орлинообразной головы, а представлены в виде хищников с рогатыми лошадиноподобными мордами с широко разинутыми зубастыми пастьми. Подвески, как и бляшки из катакомбного погребения Северо-Западного Причерноморья инкрустированы бирюзовыми вставками. Исследователи сходятся во мнениях, что источником подобных сюжетов является симбиоз искусства Ахеменидской империи и сибирского звериного стиля (Сарияниди 1989: 52; Henri-Paul 2012: 94—99).

Французский археолог Анри-Поль Франкфорт считает, что подобные ювелирные изделия демонстрируют связи Бактрии с сарматами и, прежде всего, с хунну (Francfort 2012: 94—99).

Особый интерес в данном контексте представляет пряжка из погребения IV (рис. 4), орнамент которой изображает фигуру китайской женщины, путешествующей в повозке, запряженной кошачеобразными хищниками. Существует большая вероятность, что данное изделие было отлито в Китае, но благодаря активности кочевников оказалось в Бактрии (Leidy 2012: 113). Надо отметить, что золотые изделия являлись символом власти в Китае. В эпоху династии Хань производство золотых и серебряных украшений строго регламентировалось, только две официальные мастерские в провинции Шу могли изготавливать их. Неофициальная же добыча золота строго наказывалась (Leidy 2012: 112—122).

Важно отметить и то, что стилистическая схожесть китайской, бактрийской и эллинистической традиции объясняется тесным взаимодействием регионов Евразии на протяжении нескольких веков с IV в. до н.э. вплоть до первых веков нового тысячелетия. Ханьские мастера заимствовали не только технологии декоративного искусства, но и сюжетные особенности. В частности, заимствование сюжетов скифо-звериного стиля (противостояние животных, одиночные животные с развернутыми задними конечностями и пр.) при императоре У-Ди и его преемниках было вызвано потребностью элиты в демонстрации своей власти и привилегий (Leidy 2012: 112—122), в том числе и над степными варварами.

К хунну, с которыми императоры династии Хань на протяжении трех веков взаимодействовали в качестве обменов посольств и войн, дорогие изделия на раннем этапе могли попадать в виде богатых подарков, в рамках политики «пяти искушений» или контактов с ханьскими перебежчиками (Гумилев 1993: 159), среди которых могли быть ремесленники, преступники, рабы или иные эксплуатируемых категорий.

При императоре Сяо-вэне ханьцами в 157 г. до н.э. для торговли с кочевниками были открыты пограничные рынки. Торговые пункты функционировали даже в период активизации набегов хунну на Китай. В более позднее время подобные украшения могли оказаться у кочевников в результате их одаривания за вассальную службу. Так, в 52 г. до н.э. Хуханье получил от китайского императора богатые дары, в числе которых были инкрустированный меч, кинжал, лук с большим числом стрел, 10 алебард, колесница, седло и сбруя (Крадин 2020: 123). Безусловно, все эти вещи имели статусный характер и оседали лишь на высшей ступени хуннской социальной пирамиды (Крадин 2020: 127). Следовательно, данные атрибуты власти передавались по наследству в среде одного аристократического клана. Оказаться в распоряжении других кочевников они могли лишь в ходе военных столкновений или заключенных брачных союзов.

В эпоху Великого переселения народов данная модель поведения была свойственна и европейским гуннам. К примеру, можно вспомнить претензии Атиллы к равеннской администрации в отношении брака с Гонорией. «Он [гуннский вождь] объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию, сестру императора Валентиниана, дочь Платидии Августы, с причитающейся частью царских сокровищ» (Iord. Get., 224). В германском легендарии также сохранился интересный эпизод, в котором гуннский «королевич» Хлёд требовал выдать ему законное наследство. В числе вещей, оговоренных им готам, значились и статусные вещи. «Я хочу половину наследия Хейдрека: доспехов, мечей, скота и приплода, сокровищ казны, жерновов скрипящих, рабов и рабынь с их ребятами вместе, и лес знаменитый, что Мюрквид зовется, на готской земле могилы священные, камень чудесный в излучинах Данпа, кольчуг половину, у Хейдрека бывших земель и людей и блестящих колец» (Песнь о Хлёде 2010: 373—374).

Одним из явных свидетельств хунну и ханьского Китая, выступают не только золотые изделия. Примечательно, что среди китайского импорта хуннских шаньюням было достаточное количество тканевых изделий, на которых, если судить по Ноин-Улинской коллекции, был запечатлен не только замысловатый орнамент, но и аппликации со сценами охоты грифона на оленя. Для примера можно вспомнить войлочный ковер из кургана № 6,

пади Суцзуктэ, найденный монголо-тибетской экспедицией в 1924 г. Подобные вещи напрямую свидетельствуют о связях хунну с Китаем и их адаптации к культурным традициям империи (Сутягина 2020: 218—223).

Исходя из всего вышесказанного, с определенной точностью можно констатировать, что рассматриваемые нами пряжки были произведены либо в ханьском Китае, либо мастерами самих хунну. Первый вариант нам представляется более предпочтительным, т.к. изображенный на пряжках «герой» не соответствует представлениям кочевников о моде. Чаще всего эстетический идеал красоты мужчин хунну, если судить по изображениям на памятниках декоративного искусства кочевников, представляется в виде воина с круглым лицом, с короткой массивной шеей и узкой талией. Изображенные мужчины обычно представлены однотипными прическами, с зачесанными назад волосами, достигающими плеч (Яценко 2023: 108—114). В рассматриваемых нами изображениях голова «мифического героя» круглая с приплюснутым теменем, а прическа, переданная рельефным завитком, напоминает узел волос. Тем не менее, в сюжетном плане, пряжки полностью соответствуют предпочтениям хунну и их любви к мифологическим и героическим сюжетам. Впрочем, это наблюдение не снижает возможности появления данных вещей в Северно-Западном Причерноморье с первой волной азиатских номадов. Хунну, скорее всего, были единственными преемниками и распространителями ханьских вещественных ценностей (Савинов 2020: 36). Можно заключить, что подобные изделия достались представителю сарматской элиты в результате его контактов с хунну.

Важным на наш взгляд, хотя и косвенным доказательством о связи азиатских кочевников с сарматами свидетельствуют сложносоставные тамги, которые могут выступать в качестве маркера политической обстановки, сложившейся в степи. В погребении 1 у с. Пороги обнаружено несколько предметов с тамгами: меч, гривна, парадный и портупейный пояс, а также серебряный кубок с зооморфной формой. Все знаки, нанесенные на предметы, имеют общую (нижнюю) родовую часть, тогда как верхние различны. Существует несколько вариантов трактовки такого положения дел. Среди них А.В. Симоненко и Б.И. Лобай также выделяют демонстрацию главенства одного кочевнического клана над другим (Симоненко, Лобай 1991: 66—67). Обнаруженные тамги, по всей видимости, могут относиться и к одной центральноазиатской династии, в которой доминировал культ легендарных героических предков, широко известных на Востоке. Аналоги их родовых знаков обнаруживаются не только в Северном Причерноморье, но и Сасанидском Иране и даже в Монголии (Ярцев, Шушунова, Внуков 2023: 451—457).

О связях сарматов Северного Причерноморья с хунну свидетельствуют и предметы, входящие в так называемую «хуннскую триаду». В погребении 1 с. Пороги, как мы уже писали выше, был обнаружен лук с костяными накладками хуннского типа и наконечники стрел. Этот вид оружия имел сакральное значение в среде номадов и мог выполнять роль социального маркера как у средневековых кочевников (Казанский 2020: 101). К примеру, у вождей европейских гуннов, судя по материалам из Якушовиц и Печюсег, имелись особые луки с золотыми пластинами, которые выражали их власть на занятой территории (Laszlo 1951: 91—106; Harmatta 1951: 150).

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы должны констатировать, что погребальный инвентарь с. Пороги отражает не только сарматскую идентичность, но и имеет заметные этноконтактные следы сарматов с азиатскими кочевниками. Погребения из с. Пороги, возможно, свидетельствует в пользу достоверности сообщения Клавдия Птолемея в «Руководстве по географии» о расселении *Xouvoi* в Европейской Сарматии. И хотя в историографии сложились противоречивые точки зрения на счет этой локализации *хуну*, ряд отечественных и зарубежных исследователей все же не отказывали данному сообщению в достоверности.

Среди исследователей, которые отрицали возможное раннее появление хунну в Европе был венгерский археолог Я. Харматта. Он считал, что Клавдий Птолемей перепутал Танаис—Сырдарью с Танаисом Доном (Harmatta 1976: 280—282; Буданова, Горский, Ермолова 2017: 117). В интерпретации Я. Харматты *Xouvoi* Птолемея следует локализовать не в Северном Причерноморье, а в Центральной Азии, откуда благодаря римским легионерам донесли слухи об этом племени до античного мира (Harmatta 1976:

280—282). Британский классицист Э.А. Томсон считал данные античного географа сомнительными (Tompson 2004: 25), тогда как его заокеанский коллега О. Менхен-Хелфен лишь скорректировал неверное представление Птолемея, расселив его гуннов на правом, или левом берегу Днестра, вблизи северо-западного побережья Черного моря. Он отождествил Χουνοί с уругундами, которых считал гуннами (Maenchen-Helfen 1973: 444—455). Согласно «Новой истории» Зосима это племя в течение 50-х гг. III в. вместе с готами, боранами и карпами разоряло провинции Римской империи и даже предприняло морской поход в Азию между 255—258 гг. (Zos., I, 27). В отношении этнической принадлежности уругундов, исследователи за последние полвека не пришли к общему знаменателю. В историографии существует версия о кельтском происхождении этого племени. К примеру, А.В. Богачев, А.В. Кузнецов, А.А. Хохлов считает их одной из ветвей кельтов-ругов (Богачев, Кузнецов, Хохлов 2019: 108).

В свою очередь, М.И. Артамонов допускал, что уже во II в. отдельные отряды хунну, пока основная их масса оставалась в Приуралье, проникали далеко на запад, вплоть до Днестра (Артамонов 2021: 54—55). Недостоверными данные Птолемея считает Я.В. Пилипчук (Пилипчук 2019: 5—33), И.П. Засецкая, напротив, считала сообщение Птолемея достоверным. Согласно ее мнению судьба птолемеевских гуннов остается неясной, но вполне возможно, что пришельцы были ассимилированы местным сарматским населением. В качестве доказательства возможного проникновения хунну далеко на запад, она привела погребение I в. н.э. Суловского могильника в Нижнем Поволжье, совершенного по сарматскому обряду с родовым оружием пришельцев (Засецкая 1994: 137—138).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что погребения у с. Пороги являются возможным примером достоверности сообщения Клавдия Птолемея о хунну в Северо-Западном Причерноморье. В ходе боевых столкновений первого столетия нового тысячелетия конфедерации северных хунну с Ханьской империей, динлинами и сяньби, первые были вынуждены двинуться на запад в поисках новых пастбищ. Возможно, именно в связи с событиями 48—94 гг. н.э. на востоке, стоит связывать появление первой волны хунну в Европе.

Литература

- Артамонов М.И. 2021. *История хазар*. Санкт-Петербург: Издатель Геннадий Маркелов.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. 2019. Рутены—руги—русь: века, дороги, судьбы. Самара: Вояджер: мир и человек.
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2017. *Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гумилев Л.Н. 1993. *Хунну. Степная трилогия*. Санкт-Петербург: Тайм-аут; Компас.
- Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.)*. Санкт-Петербург: АО «Элипс Лтд».
- Казанский М.М. 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе. *МАИЭТ XXV*, 90—167.
- Крадин Н.Н. 2020. *Империя хунну*. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко.
- Песнь о Хлэде 2010. В: Кузнец Е., Занозина Н. (ред.). *Библиотека героического эпоса*. Т. 2. *Старшая Эдда*. Москва: Книжный клуб книговек, 372—381.
- Пилипчук Я.В. 2019. Пересматривая гуннскую хронологию. *Научный Татарстан* 1, 5—33.
- Савинов Д.Г. 2020. Последовательность и динамика распространения влияния хуннских традиций с Востока на Запад (и с Запада на Восток?). *Теория и практика археологических исследований* 2 (30), 35—58.
- Сарианиди В.И. 1989. *Храм и некрополь Тиллятепе*. Москва: Наука.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.
- Сутягина Н.А. 2020. Реконструкция внутреннего убранства Ноин-Улинских гробниц (по материалам раскопок Монголо-Тибетской экспедиции). В: Никоноров В.П., Кирчо Л.Б., Стоянов Е.О. (ред.). *Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения*

- д.и.н. И.Н. Хлопина (10-12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 218—223. DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-218-223.
- Щукин М.Б. 2005. *Готский путь (готы, Рим и чрениховская культура)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Ярцев С.В. 2014. *Северное Причерноморье в Римский период и проблема готской экспансии*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.
- Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. 2023. Сообщение Аммина Марцеллина и современные археологические реалии в ходе реконструкции военно-политической ситуации в Северном Причерноморье во время правления императора Юлиана. В: Зинько В.Н., Зинько А.В. (ред.). *БЧ XXIV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях*. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра», 448—460.
- Яценко С.А. 2023. Костюм в памятниках искусства хунну. В: Бусова В.С., Кашуба М.Т., Ковалев А.А., Лурье В.М., Николаев Н.Н., Стоянов Е.О., Трубникова В.Б. (ред.). *«Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948—2020)*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 108—114.
- Francfort H.-P. 2012. Tillya Tepe and Its Connections with the Eurasian Steppes. Afghanistan. In: Aruz J., Fino E.V. (eds). *Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 88—101.
- Harmatta J. 1951. The Golden Bow of the Huns. *Acta Archaeologica* 1, 107—151.
- Harmatta J. 1976. L'Apparition des Huns en Europe orientale. *Acta Antiqua academiae scientiarum Hungaricae* 24, 277—283
- Laszlo G. 1951. The Significance of the Hun Golden Bow. *Acta Archaeologica* 1, 91—106.
- Leidy D.P. 2012. Links, Missing and Otherwise: Tillya Tepe and East Asia. In: Aruz J., Fino E.V. (eds.). *Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 112—121.
- Maenchen-Helfen J.O. 1973. *The world of the Huns. Studies in Their History and Culture*. Los Angeles: University of California Press.
- Thompson E.A. 2004. *The Huns*. Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd.
- Yan Liu. 2020. The Han Empire and the Hellenistic world: prestige gold and the exotic horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20, 175—198.

References

- Artamonov, M.I. 2021. *Istoriya khazar (History of the Khazars)*. Saint Peterburg: Izdatel' Gennadiy Markelov (in Russian).
- Bogachev, A.V., Kuznetsov, A.V., Khokhlov, A.A. 2019. *Ruteny—rugi—rus': veka, dorogi, sud'by (Ruthenians-Rugians-Rus: Centuries, Roads, Fates)*. Samara: Voyadzher: mir i chelovek (in Russian).
- Budanova, V.P., Gorskiy, A.A., Ermolova, I.E. 2017. *Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i sotsial'nye aspekty (The Great Migration of Peoples: Ethnopolitical and Social Aspect)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Gumilev, L.N. 1993. *Khunnu. Stepnaya trilogiya (The Huns. Steppe Trilogy)*. Saint Petersburg: Taym-aut; Kompas (in Russian).
- Zasetskaya, I.P. 1994. *Kul'tura kochevnikov Yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV—V vv.) (The Culture of the Nomads of the South Russian Steppes in the Hunnic Era (Late 4th — 5th Centuries))*. Saint Petersburg: АО “Elips Ltd” (in Russian).
- Kazanski, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* XXV, 90—167 (in Russian).
- Kradin, N.N. 2020. *Imperiya khunnu (The Xiongnu Empire)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko (in Russian).
- Pesn' o Khlode 2010. In: Kuznets, E., Zanozina, N. (eds.). *Biblioteka geroicheskogo eposa (Library of the heroic epic)*. Vol. 2. *Starshaya Edda (The Elder Edda)*. Moscow: Knizhnyy klub knigovek, 372—381 (in Russian).
- Pilipchuk, Ya.V. 2019. In *Nauchnyy Tatarstan (Scientific Tatarstan)* 1, 5—33 (in Russian).
- Savinov, D.G. 2020. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2 (30), 35—58 (in Russian).
- Sarianidi, V.I. 1989. *Khram i nekropol' Tillyatepe (The Temple and Necropolis of Tillyatepe)*. Moscow: Nauka (in Russian).

- Simonenko, A.V., Lobay, B.I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e. (Pogrebeniya znati u s. Porogi) (Sarmatians of the Northwestern Black Sea Region in the 1st Century CE (Burials of the Nobility near of the Porogi Village))*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Sutyagina, N.A. 2020. In: Nikonorov, V.P., Kircho, L.B., Stoyanov, E.O. (eds.). *Drevnie i srednevekovye kul'tury Tsentral'noy Azii (stanovleniye, razvitiye i vzaimodeystviye urbanizirovannykh i skotovodcheskikh obshchestv): Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya d.i.n. A.M. Mandel'shtama i 90-letiyu so dnya rozhdeniya d.i.n. I.N. Khlopina (10-12 noyabrya 2020 g., Sankt-Peterburg) (Ancient and Medieval Cultures of Central Asia (Formation, Development, and Interaction of Urbanized and Pastoral Societies): Proceedings of the International Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Doctor of Historical Sciences A.M. Mandelstam and the 90th Anniversary of the Birth of Doctor of Historical Sciences I.N. Khlopin (November 10-12, 2020, Saint Petersburg))*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 218—223. DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-218-223 (in Russian).
- Shchukin, M.B. 2005. *Gotskiy put' (goty, Rim i chrenyakhovskaya kul'tura) (The Gothic Path (Goths, Rome, and the Chrenyakhov Culture))*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU (in Russian).
- Yartsev, S.V. 2014. *Severnoye Prichernomor'ye v Rimskiy period i problema gotskoy ekspansii (The Northern Black Sea Region in the Roman Period and the Problem of Gothic Expansion)*. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).
- Yartsev, S.V., Shushunova, Ee.V., Vnukov, A.A. 2023. In: Zinko, V.N., Zinko, A.V. (eds.). *Bosporskie chteniya (Bosporan Readings) XXIV. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskie i pis'mennye istochniki v istoricheskikh rekonstruktsiyakh (Bosporus Cimmerian and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Archaeological and Written Sources in Historical Reconstructions)*. Simferopol; Kerch: BF "Demetra", 448—460 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2023. In: Busova, V.S., Kashuba, M.T., Kovalev, A.A., Lur'ye, V.M., Nikolaev, N.N., Stoyanov, E.O., Trubnikova, V.B. (eds.). *"Poyushchiye strely Maodunya": khunnu ot neizvestnosti do imperii: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Sergeya Stepanovicha Minyayeva (1948—2020) ("Singing Arrows of Maodun": the Xiongnu from Obscurity to Empire: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Sergei Stepanovich Minyaev (1948—2020))*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 108—114 (in Russian).
- Francfort, H-P. 2012. Tillya Tepe and Its Connections with the Eurasian Steppes. Afghanistan. In: Aruz, J., Fino, E.V. (eds). *Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 88—101.
- Harmatta, J. 1951. The Golden Bow of the Huns. *Acta Archaeologica* 1, 107—151.
- Harmatta, J. 1976. L'Apparition des Huns en Europe orientale. *Acta Antiqua academiae scientiarum Hungaricae* 24, 277—283
- Laszlo, G. 1951. The Significance of the Hun Golden Bow. *Acta Archaeologica* 1, 91—106.
- Leidy, D.P. 2012. Links, Missing and Otherwise: Tillya Tepe and East Asia. In: Aruz, J., Fino, E.V. (eds.). *Forging Civilizations along the Silk Road*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 112—121.
- Maenchen-Helfen, J.O. 1973. *The world of the Huns. Studies in Their History and Culture*. Los Angeles: University of California Press.
- Thompson, E.A. 2004. *The Huns*. Maldem, MA: Blackwell Publishing Ltd.
- Yan Liu. 2020. The Han Empire and the Hellenistic world: prestige gold and the exotic horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20, 175—198.

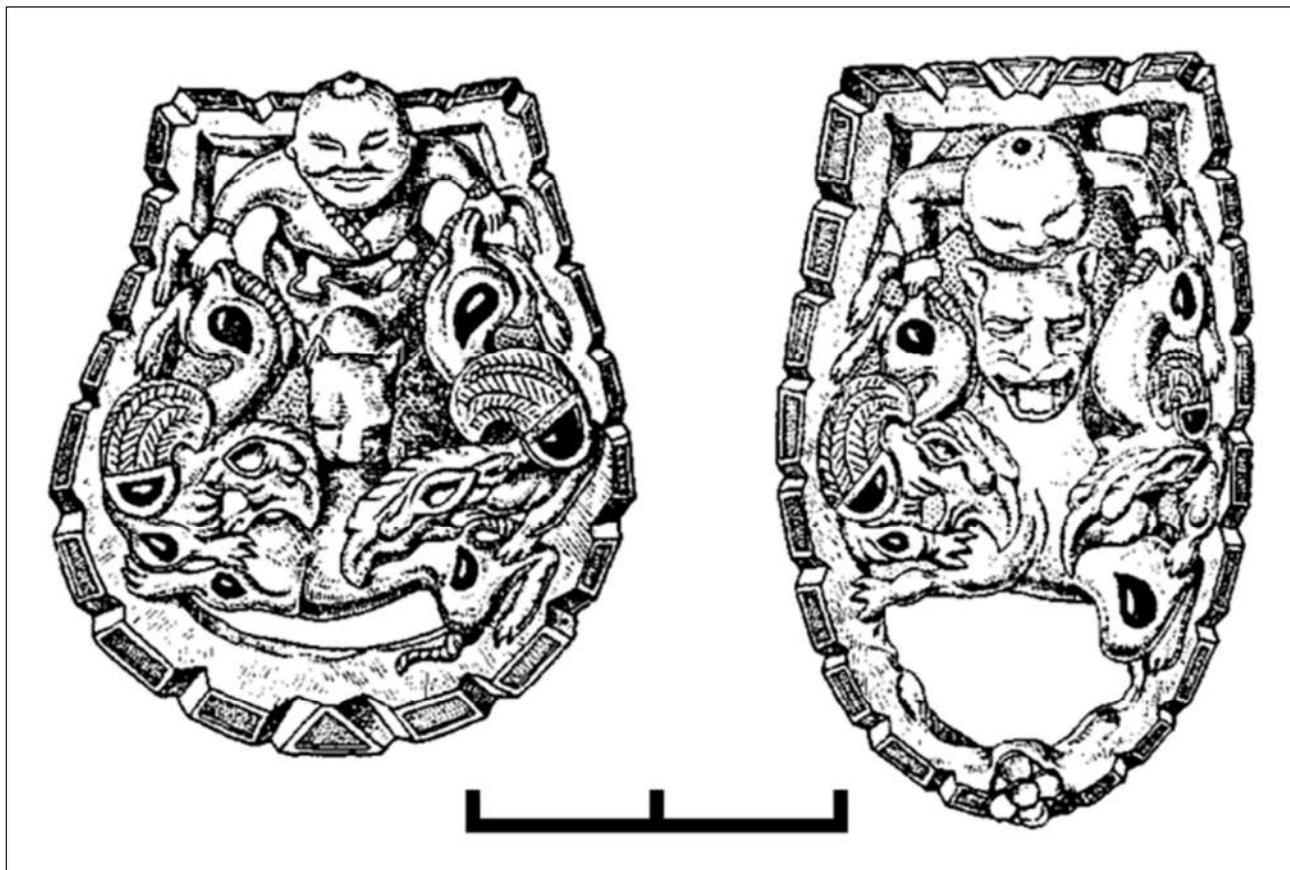

Рис. 1. Пряжки из катакомбного погребения с. Пороги (по Симоненко, Лобай 1991: 20—21).

Fig. 1. Buckles from the catacomb burial of the Porogi Village (after Symonenko, Lobai 1991: 20—21).

Рис. 2. «Человек с дельфином» из погребения I, некрополь Тиллятепе (по Сираниди 1989: 52).

Fig. 2. “Man with a dolphin” from burial I, Tillyatepe necropolis (after Siranidi 1989: 52).

Рис. 3. Подвески «государь-драконоборец» из погребения II, некрополь Тиллятепе (по Francfort 2012: 95).

Fig. 3. Pendants of the “dragon-slayer sovereign” from burial II, Tillyatepe necropolis (after Francfort 2012: 95).

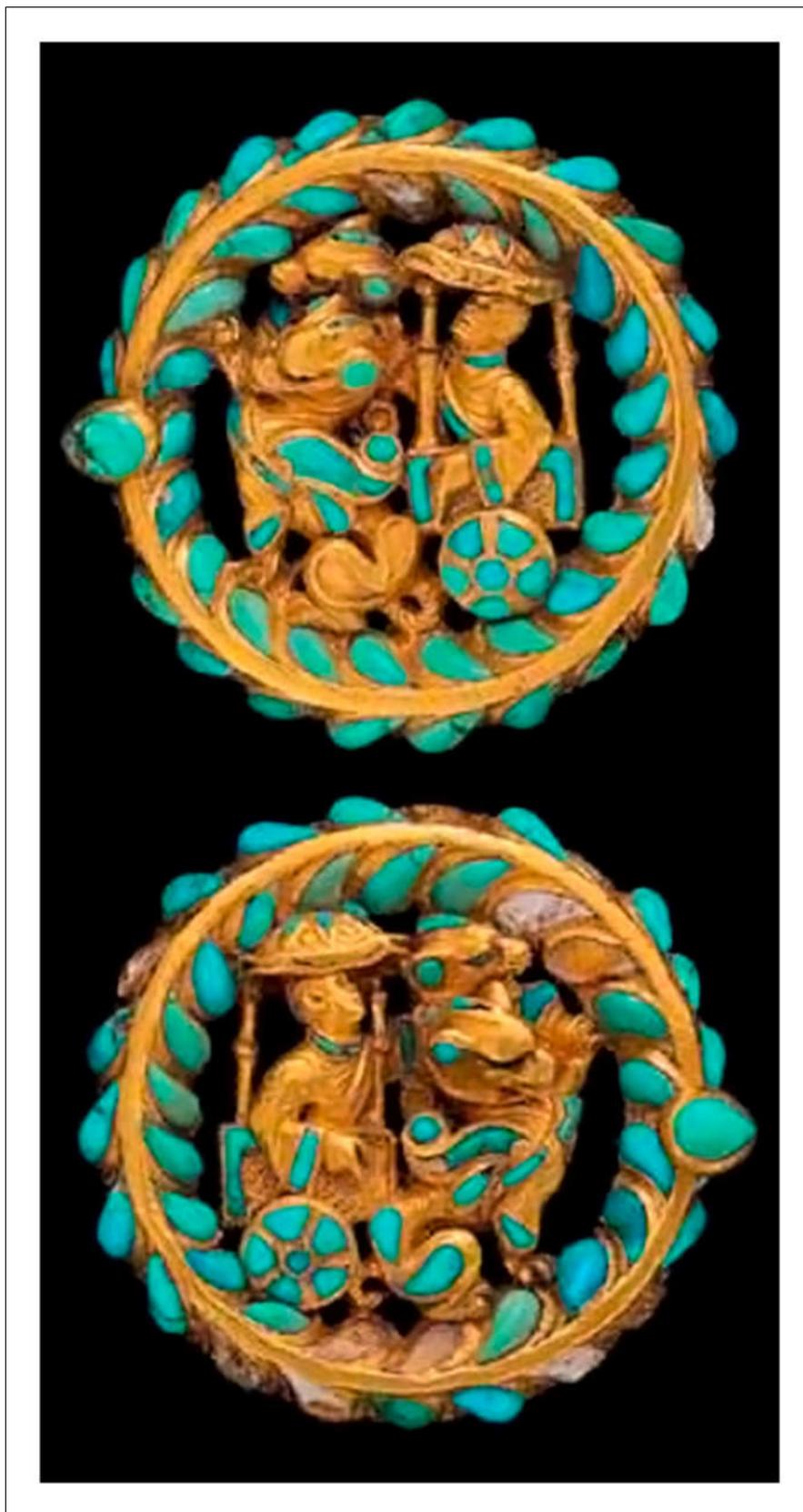

Рис. 4. Литая инкрустированная пряжка из погребения IV, некрополь Тиллятепе (по Leidy 2012: 113).

Fig. 4. Cast inlaid buckle from burial IV, Tillyatepe necropolis (after Leidy 2012: 113).